

ПУТЬ К ДРУГОМУ В НОВЕЛЛЕ ВЕРКОРА «МОЛЧАНИЕ МОРЯ»

Д. В. Божко

Белорусский государственный университет, Минск;

Dina.Bozko@outlook.com;

науч. рук. – Е. А. Борисеева, канд. филол. наук, доц.

В статье рассматривается проблематика Другого в новелле Веркора «Молчание моря», которая стала символом Сопротивления французов в годы Второй мировой войны. Герои новеллы проходят путь от восприятия Другого как врага – радикального Чужого, что реализуется в отказе от коммуникации с ним, до принятия его личностной трагедии утраты иллюзий. Через основной конфликт (побежденные – оккупант) раскрывается поэтика молчания как способ сопротивления нацизму и анализируются особенности психологизма. Также выявляются основные формы авторского присутствия в тексте: систематизируются художественные образы, обозначаются функции пейзажа. Способы и приемы, репрезентирующие в новелле путь к диалогу с Другим, представлены в историческом контексте.

Ключевые слова: категория Другого; художественный образ; новелла; поэтика молчания; пейзаж.

В период нацистской оккупации Франции слово становится мощным оружием Сопротивления. Коллаборационистский режим Виши действовал в общем русле германской политики, проводя репрессии против евреев, цыган, коммунистов, масонов; на территории Франции контролировали ситуацию как германские части СС и гестапо, так и собственные репрессивные организации. Значительной самостоятельностью в это время пользовались французские издательства, но доносить информацию нужно было завуалированно: мешал «Список Отто» (перечень запрещенной к изданию литературы) и навязанные коллаборационистские и нацистские произведения. Тем не менее подпольно выпускались антифашистские листовки и брошюры: «Долой продажную прессу», «Предатели 1940 года», «В защиту французской культуры», «Прощальное письмо Габриэля Пэри», «Расстрелы в Шатобриане» – вот лишь некоторые названия подпольных листовок, адресованных рабочим, крестьянам, молодежи, французской интеллигенции. За годы оккупации Сопротивление распространило свыше 11 млн. подпольных листовок и почти полтора миллиона экземпляров брошюр.

В 1941 г. на севере Франции в обход немецкой цензуры писатель Пьер де Лескюр (*Pierre de Lescure*) и писатель и иллюстратор Жан Брюллер (*Jean Bruller*) создали подпольное «Полночное издательство» (*Les Éditions de Minuit*). Его первой опубликованной книгой стала новелла

«Молчание моря» (*Le Silence de la mer*, 1942) Пьера де Лескюра, писавшего под псевдонимом Веркор (*Vercors*). Тираж составил 250 экземпляров.

В данной статье рассмотрена поэтика молчания Веркора, направленная на выражение позиции сопротивления простых французов во время Второй мировой войны. Автор новеллы сравнивает «молчание моря» с притворным человеческим спокойствием, раскрывая перед читателем безмолвный конфликт между немецким офицером и французами, к которым он определен на постой, и таким образом выявляет способы психологического сопротивления оккупантам.

Немецкий офицер Вернер фон Эбреннак – единственный герой, имя которого известно (так автор указывает на открытость персонажа): Вернер пытается заполнить тишину не только разговорами о французской литературе и немецкой музыке, но и сам исполняет оставленную племянницей восьмую прелюдию и фугу И. С. Баха (с начала оккупации девушка не может приблизиться к пианино). Он подчеркивает, что И. С. Бах не мог быть никем другим, кроме как немцем. Музыкант находит в немецком характере «что-то нечеловеческое, вернее далекое человеку» [1, с. 5]. Он уподобляет музыку Богу, который живет в человеке, но тем не менее ему не принадлежит. Герой хотел создать свою музыку, близкую человеку, близкую Франции. Ему необходимо было искреннее принятие французов, он не намерен был подчинять силой. Он чувствовал себя (а также Германию) чудовищем из сказки, которое может измениться под влиянием прекрасной Франции. Офицер верил, что искусство способно исцелять. Образ высокого тонкого молодого человека, достающего рукой до потолка, с довольно глухим и «каким-то тусклым голосом» [1, с. 3] намекает на аристократическое сложение (автор сравнивает героя с актером Луи Жуве (*Louis Jouvet*)). Важной характеристикой героя является эпитет «тусклый голос», которому не суждено пробиться через плотную среду молчания, ему не хватает силы. Черты характера раскрываются в монологах героя, автор даёт ему шанс оправдания (пацифисту по натуре, Веркору хотелось верить в то, что и среди немцев есть хорошие люди: он стремился вложить в сердца французов надежду и непоколебимую веру в свет). Жильцы игнорировали не только слова солдата, но и само его присутствие. Немец одинок и отстранен, он чужой в этом доме. Веркор сравнивает молодого человека с кариатидой (статуя, изображающая задрапированную женскую фигуру в качестве опоры.) В этом конфликте оружие пленных – безмолвие, а оккупанта – вежливость и надежда: «До последнего дня он ни разу не садился. Мы не предлагали ему этого, и он никогда не делал ничего, что могло бы показаться фамиллярным» [1, с. 3]. Вернер уважает

молчаливую гордость французов: не вытягивая слова, хочет быть услышанным, стать ближе и роднее народу, страной которого так восхищается. Он готов слушать тысячу раз тишину в ответ на пожелание спокойной ночи, потому что грезит идеей союза между их государствами: «Надо победить это молчание. Надо победить молчание Франции. Мне по душе эта задача» [1, с. 4], «...так лучше. Гораздо лучше. Это создает крепкий союз – союз двух великих» [1, с. 5], «Препятствия будут преодолены, искренность всегда преодолевает препятствия... Желаю вам спокойной ночи» [1, с. 6]. Мечты офицера, высказанные в страстном монологе, остаются его придуманным миром. Вернер понимает невозможность их реализации, столкнувшись с реальностью, когда он открывает для себя желание своих товарищей разрушить и подчинить французский дух.

Автор использует пейзаж для передачи стадий безмолвия. До появления немца холода не ощущалось: «Было темно, не очень холодно. Ноябрь в этом году вообще не был холодным» [1, с.1]. Первой причиной для завязки разговора не о погоде стало желание погреться у огня: «Все неожиданно изменилось однажды вечером. На дворе шел дождь с мелким снегом; было ужасно холодно и сыро» [1, с. 2]. Долгие зимние вечера монологов сменяются весной и закатными лучами солнца, символизируя изменения. Немец приближается к одному из счастливейших дней в его жизни: он впервые проведёт отпуск в Париже. Однако возвращается разочарованным и скрывается в комнате наверху несколько дней. Автор замыкает его монологи, зеркально отображая дождь в пейзажах первого и последнего «разговора не о погоде». В описании того дня кроется отсылка к особенно тяжелому разговору: «Дождь шел с утра: сильный, ровный и настойчивый, он затопил все вокруг и даже в доме создал атмосферу холода и неуют» [1, с. 8]. В начале новеллы автор сравнивает молчание с туманом, и в конце туман также присутствует при описании пейзажа, только теперь он не имеет такую плотную структуру, но ощущение холода ещё напоминает о присутствии офицера: «На дворе сквозь туман просвечивало бледное солнце. Мне показалось, что очень холодно» [1, с. 12].

Тишина выдерживается с первых страниц, автор нигде не упоминает ни одного диалога с оккупантами, племянница и дядя молча выполняют поручения: «Племянница молча открыла дверь. Откинула ее к стене и сама стояла, прижавшись к стене, не поднимая глаз. Я продолжал маленькими глотками пить свой кофе. Офицер в дверях сказал: “Простите”. Он слегка поклонился. Казалось, он пытался вникнуть в тайный смысл нашего молчания» [1, с. 1]. Молчание обрело в новелле телесность и ощутимость. Автор уподобляет его «тяжелому газу»,

«туману на рассвете» [1, с. 1]. Оно сковывает героев своей плотностью, создавая ещё более тяжёлую обстановку. Неподвижность жителей дома усиливает эффект молчания, создаётся впечатление, что в помещении офицер один. Автор неспроста сравнивает тяжесть именно со свинцом. Свинец – типичный металл, плохо пропускающий тепло, тяжелый, плотный, имеет голубовато-серый цвет (стоит подчеркнуть, что это один из оттенков моря). В начале новеллы молчание веет холодом, попытки офицера разрядить атмосферу своей искренностью и вежливостью тщетны, он не может разорвать тишину. У Веркора безмолвие бывает разным: «Прежде в минуты молчания я видел под гладкой поверхностью вод схватку морских обитателей, брожение подводной жизни – скрытых чувств, противоречивых желаний и мыслей. Но за этим молчанием не было ничего, кроме ужасной подавленности...» [1, с. 10].

Девушка всеми силами пытается скрыть свое душевное состояние. Веркор делает акцент на руках, потому что, по его мнению, это единственное, что человек не может контролировать, они обличают душу. Состояние племянницы часто отражается в дрожании рук, аналогично движение руки Вернера становится характерной деталью, передающей его внутреннее состояние во время сцены отказа от своих идей: «Я понял в тот день, что для тех, кто умеет видеть, руки могут выражать чувства так же, как и лицо, и даже сильнее: они меньше контролируются волей... Лицо и тело человека оставались напряженно неподвижными, а пальцы его руки сгибались и разгибались, сжимались и разжимались, их движения были предельно выразительными...» [1, с. 9]. В то же время Веркор сравнивает девушку со статуей. Она такая же каменная, холодная, неподвижная. Описывая состояние племянницы как тюрьму, воздвигнутую ею же, автор намекает на трудность для нее сохранить молчание через рукоделие: она «механически вяжет», «медленно вяжет с чрезвычайно усердным видом», «слегка покраснела, между бровями ее пролегла складка. Пальцы чересчур торопливо и резко тянули иглу, угрожая порвать нитку» [1, с. 4], «моя племянница вдевала в иголку нитку, которая порвалась. Она делала это с большим усердием...» [1, с. 6], «Она наматывала на пальцы шерсть с клубка, который, разматываясь, кружился на ковре. Видимо, только это бессмысленное занятие было ей под силу в те минуты, помогая ей скрывать свое состояние» [1, с. 9]. Глаза племянницы символизируют молчание моря, они ярко-голубые, иногда серые (напоминает его изменчивость), холодные, пристальные и непоколебимые, одновременно с этим могут выражать мольбу и терзания. Именно взгляд отражает эволюцию в их отношениях с офицером (если вначале его не замечают: «Племянница стала подниматься по ступенькам, не глядя на офицера, словно никого рядом с ней не было» [1, с. 2]; «мы

вели себя так, словно офицера не существовало, будто он был призраком» [1, с. 2]; «Она ни разу не взглянула на него, ни разу» [1, с. 3], – то в финале происходит встреча с Другим: «Его зрачки, казалось, соединились со зрачками девушки – как лодка, привязанная к берегу и увлекаемая течением, – такой натянутой, напряженной нитью, что нельзя было решиться провести пальцем перед их глазами» [1, с. 11]).

Дядя в этой истории является скорее зрителем, чем участником. Не сразу, но он испытывает привязанность к офицеру. Он первый задумывается о разрывании молчания и исполняет желание племянницы, которое она осуществить была не в силах. Она не могла преодолеть молчание: «Она была очень бледна, и я видел, как поднялась ее верхняя губа, обнажив в страдальческой гримасе тонкую белую линию зубов. Какими благодушными показались мне мои колебания в сравнении с этой внезапно раскрывшейся душевной драмой!» [1, с. 9].

Путь к Другому в новелле передается с помощью системы образов: пейзажа (он соответствует эволюции безмолвия), персонажей (особенно детально раскрывается мышление Вернера, задающее ход событий), поведение героев (ярче всего в произведении Веркор передает тяжесть молчания через поведение племянницы). Ключевой характеристикой пропасти между героями является овеществление молчания через его уподобление металлу и газу. Героям присвоены антагонистические социальные роли: оккупант и побежденные, подкрепляющие статус непреодолимого расстояния между ними.

Библиографические ссылки

1. *Веркор*. Молчание моря [Электронный ресурс] / Веркор Режим доступа: <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/234182-12-verkor-molchanie-morya.html#text> – Дата доступа: 26. 06. 2022.